

Блинова Е. Е. Значение социального капитала для успешной интеграции в социуме внутренне перемещенных лиц / Е. Е. Блинова // Личность в экстремальных условиях и кризисных ситуациях жизнедеятельности: Сборник научных статей VII Международной научно-практической конференции / Под ред. Р. В. Кадырова – Владивосток: Мор. гос. ун-т, 2017. – С. 121–129.

ЗНАЧЕНИЕ СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА ДЛЯ УСПЕШНОЙ ИНТЕГРАЦИИ В СОЦИУМЕ ВНУТРЕННЕ ПЕРЕМЕЩЕННЫХ ЛИЦ

Блинова Е.Е., Херсонский государственный университет, Украина

Статья посвящена проблеме социально-психологической адаптации внутренне перемещенных лиц в современных социально-политических и экономических условиях украинского общества. Проанализирован феномен социального капитала, показаны возможности доступа к ресурсам приватной и публичной сфер для обеспечения успешной интеграции мигрантов в принимающем сообществе.

Ключевые слова: внутренне перемещенные лица, вынужденная миграция, социально-психологическая адаптация, социальная идентификация, социальный капитал.

Введение. В украинском обществе вследствие конфликтной ситуации на востоке страны остро стоит проблема, связанная с потоками вынужденных переселенцев. Такого количества внутренних мигрантов в Украине не было с момента трагедии в Чернобыле, хотя масштабы, конечно, не сопоставимы. Поэтому украинское общество, находясь в сложной социально-политической и экономической ситуации, оказалось не готово к разрешению вопросов, связанных с социальной интеграцией внутренних переселенцев в новых регионах проживания. В официальных документах вынужденных мигрантов определяют как «внутренне перемещенных лиц» (ВПЛ), что закреплено в «Руководящих принципах по вопросу о перемещении лиц внутри страны» ООН.

На основе результатов социологического опроса, проведенного Украинским институтом социальных исследований имени А. Яременко, выявлено, что более 80% респондентов считают, что переселенцы должны по

возможности вернуться на места их постоянного проживания, и более половины опрошенных отмечают неблагоприятное положение вынужденных мигрантов, обусловленное их статусом [9]. Принимая во внимание эти данные, можно утверждать, что разрешение проблемы внутренне перемещенных лиц имеет два основных вектора – обеспечение их безопасного возвращения (пока никто не берется обозначить, когда это станет возможным реально) и системная разноплановая работа по интеграции мигрантов в принимающем сообществе.

Таким образом, приоритетным направлением психологического анализа миграционных процессов остается проблема социально-психологической адаптации мигрантов к новым условиям жизни.

С целью выработки целостного взгляда на существующую проблему с учетом специфики и уникальности современной социально-политической и экономической ситуации Украины, нужно обратиться к научным разработкам отечественных и зарубежных ученых.

Результатом адаптации считают состояние адаптированности личности или группы, которая определяется как состояние субъекта (в том числе, коллективного субъекта), позволяющее ему чувствовать себя благополучно в новой среде и уверенно включаться в основную деятельность. Среди критериев адаптации исследователи выделяют объективные и субъективные (внешние и внутренние, социокультурные и психологические) (В. В. Гриценко, В. В. Константинов [2], Т. Г. Стефаненко, Г. У. Солдатова, Н. С. Хрусталева и др.).

Традиционной для характеристики типов аккультурации мигрантов считается классификация, предложенная Дж. Берри: ассимиляция, сепарация, маргинализация, интеграция. В научных работах Н. М. Лебедевой показано, что наиболее успешной является «адаптация по типу интеграции», что в особенности касается вынужденных мигрантов, а неуспешной – «адаптация по типу психологической защиты или изоляции» [4]. На основе результатов собственных исследований и данных зарубежных авторов А. Н. Татарко

утверждает: ««Интеграция» – стратегия сохранения своей культуры и принятия некоторых элементов новой культуры – является наиболее эффективной для мигрантов. Доверие между принимающим населением и мигрантами способствует интеграции последних в новую культуру и их принятию коренным населением» [10, с.78].

Социальные связи и отношения между переселенцами и жителями принимающего сообщества, позволяющие мигрантам активно включаться в общественную жизнь, наличие у них постоянной работы, тесные контакты с друзьями, коллегами, рассматриваются как значимый показатель успешной социально-психологической адаптации мигрантов. В нашем исследовании трудовой миграции подтверждена весомость этих факторов [1].

Среди разных видов поддержки, в которой нуждается мигрант, наиболее значимой является социальная поддержка, снижающая риск психических расстройств, повышающая уровень психологического благополучия, обеспечивающая условия для интеграции вынужденных мигрантов в принимающем сообществе. Учитывая эти моменты, считаем возможным обратиться к анализу концепции «социального капитала». Т. А. Нестик указывает, что социальная психология нуждается в понятии социального капитала как в общем интегральном обозначении для совокупности различных групповых характеристик, отражающих уровень социальной интеграции групп, организаций и общества [6, с.54].

В работе А. Н. Татарко социальный капитал непосредственно связывается с адаптацией мигрантов и определяется как «совокупность психологических отношений, которые могут быть конвертированы в другие формы капитала, либо приводить к каким-либо позитивным эффектам, одним из которых может являться более успешная адаптация мигрантов» [10, с.76]. А. Л. Свенцицкий и его коллеги характеризуют социальный капитал личности или группы через объем и качество ее связей с другими людьми и группами. Помимо этого, для

целей нашего исследования важным является положение о том, что разные социальные связи имеют разную ценность для субъекта [8].

С точки зрения социальной психологии П. Н. Шихирев характеризует социальный капитал как «качество социальных связей», при этом считает, что обязательно следует учитывать и количественный показатель – включенность, экспансию социального капитала субъекта (личности или группы) в социальные отношения [11].

Кроме этого, отметим точку зрения Дж. Коулмана, согласно которой социальный капитал является ресурсом, дающим возможность включения в более широкие социальные сети, где взаимоотношения основаны на высокой степени доверия и общих ценностях [3].

На начальных этапах аккультурации социальный капитал помогает вынужденным переселенцам адаптироваться, приспособиться. При этом, по мнению Р. Патмана, важно разделять социальный капитал внутри группы мигрантов (*bonding*) и социальный капитал, который выходит за пределы их сообществ и характеризует включенность мигрантов в жизнь принимающего общества (*bridging*). Можно с высокой долей вероятности предположить, что для успешной адаптации мигрантов им необходимо уметь доверять и налаживать связи не только с членами своей группы, но и с представителями инокультурных групп, это положение подтверждается результатами исследования А. Н. Татарко: «Для успешной аккультурации и адаптации мигрантов в принимающем обществе важен, прежде всего, социальный капитал, выходящий за пределы их сообществ и связывающий их с принимающим обществом» [10, с.77].

Для адаптации значима социально-психологическая мобилизация личностных ресурсов, направленная на поиск возможностей для удовлетворения насущных потребностей. При этом социальный капитал, ориентированный на более широкий социальный контекст, оказывается наиболее продуктивным, т.е. включенность в общение в микро- и макрогруппах

приводит к успешной интеграции вынужденных мигрантов, и к ориентации на долгосрочные цели в принимающем сообществе, что свидетельствует о принятии ценностей и формировании позитивной идентичности с более широкими социальными категориями. В исследовании Н. Р. Маликовой указано, что дезадаптация характеризуется чувствами утраты ценностей прошлой жизни, эмоциональной неустойчивостью, неуверенностью в настоящем и будущем, замкнутостью в узком кругу коммуникации, ограниченностью контактов с представителями принимающего сообщества [5, с.116].

Интересным является поиск связей социального капитала (ориентирован на «свою» группу или выходит за ее пределы) и социальной идентичности, учитывая многоаспектность и многоуровневость обоих феноменов. Социальную идентичность определяем через отождествление индивидом себя с определенной социальной позицией, социальным статусом, в основе чего лежит его восприятие ролевых ожиданий. Социальная идентичность дает возможность личности или группе становится субъектом социальных отношений.

Социальный капитал представлен А. Л. Свенцицким на разных уровнях – личности и межличностных отношений, группы и межгрупповых отношений, всего общества. Для каждого из этих уровней упорядочены компоненты и показатели социального капитала, среди которых на уровне межличностных отношений выделены: уровень межличностного доверия, вовлеченность и ответственность, прочность и качество отношений. На уровне межгрупповых отношений – групповое доверие, нацеленность на длительное сотрудничество; на уровне общественных отношений – генерализованное доверие, вовлеченность граждан в добровольные объединения и ассоциации, социальная активность [8, с.145-146].

Социальный капитал определяется А. Л. Свенцицким и его коллегами как сеть (сети) доверительных отношений, которыми располагают те или иные

индивиды, группы, организации, общество в целом. Социальный капитал, существуя в форме социальных структур, облегчает субъектам (отдельным гражданам, группам, корпорациям), находящимся внутри этих структур, те или иные действия. Зачастую социальный капитал является результатом воздействия нерациональных факторов: общей религии, общей этнической принадлежности, общего травматического опыта, который получила та или иная социальная группа или сообщество.

Интеграция, как наиболее эффективная стратегия адаптации вынужденных мигрантов в принимающем сообществе, ориентирована на «выход» за пределы своего «микросоциума» и более активное включение в широкие социальные сети, задействуя их ресурсы для решения своих проблем. То можно предположить, что это связано с более широкой социальной категоризацией переселенцев и отождествлением себя с региональным и национальным (общественным) измерением.

Социальный капитал, как воспроизводящиеся связи между людьми, основан на объединяющих их традициях и обычаях. Социальный капитал способствует налаживанию социальных связей между отдельными группами социума (например, мигрантами и принимающим населением), тем самым приводит к формированию общей идентичности. Катализатором этого процесса и его необходимым условием является наличие доверия между этими группами. Ответственность и взаимодействие в целях всего общества оценивается как социальный капитал при условии непротиворечивости отдельных интересов отдельных групп общим интересам общества.

Методика. Нами проведено эмпирическое исследование с целью показать, что расширение (укрупнение) социальной категоризации вынужденных мигрантов, их социальная идентификация, связанная не только с отождествлением себя с группой «переселенцы», но и с жителями определенного села или города, далее – с гражданами страны, активизирует ресурсы социального капитала на разных уровнях, и, в свою очередь,

способствует успешной интеграции мигрантов в принимающем сообществе. И наоборот, фиксация на своей временной идентичности «переселенец», боязнь выхода за ее пределы, погруженность в негативные переживания, связанные именно с этим социальным статусом, оказываются выраженным дезадаптирующим фактором.

Для измерения социального капитала как определенной совокупности ресурсов, которые человек может получить от своей социальной сети, использовали методику «Опросник измерения индивидуального социального капитала» польского автора Р. Стылы (Styla) в адаптации украинского исследователя И. Семкив [7]. Эта методика, предназначенная для исследования социального капитала на индивидуальном уровне, определяет степень использования социального капитала на основе возможностей доступа к социальным ресурсам приватной или публичной сфер. Методика включает в себя 64 утверждения, в которых испытуемому предлагается определить степень знакомства с человеком, обладающим определенным ресурсом, в диапазоне 4 баллов от «не знаю такого человека» до «знаю такого человека очень хорошо». В методике выделено шесть шкал, среди которых продуктивные умения, эмоциональный ресурс (личные связи с другими), ресурс проведения досуга (отдых и свободное время), социально-профессиональный ресурс, ресурс социальных институтов, международный ресурс, общий показатель социального ресурса в публичной сфере.

Для исследования особенностей самокатегоризации (для нас особенно интересным были ранги принадлежности к группе «переселенцы», к жителям города, к гражданам Украины) был использован модифицированный вариант теста Куна-Макпартленда «Кто Я?». Испытуемым предложено дать 20 ответов на вопрос «Кто Я»; отвечать нужно таким образом, как будто человек дает ответ самому себе, и располагать в том порядке, в котором они появляются в памяти без всякой логической связи.

Актуальность принадлежности к узкогрупповой, региональной или общественной, национальной категории нами определялась как значимость этой категории для респондентов, т.е. использован принцип «интраиндивидуального» сравнения – с точки зрения наличия / отсутствия, частоты, с которой она встречается, места среди других категорий. Для получения количественного показателя использована обратная «зеркальная» шкала, т.е. чем ближе категория к началу ряда, тем более высоким является ее ранг (например, если респондент на первом месте указывает «гражданин Украины», то ответ получает 20 баллов, если на втором – 19 баллов и т.д.).

Результаты. В исследовании приняли участие 22 студента, переселенных из восточных областей Украины, и 20 студентов – жителей г. Херсона. Нами проведен сравнительный анализ между двумя группами по общему показателю индивидуального социального капитала, его сферами – частной и публичной, а также по их компонентам. Статистически значимые отличия определялись с помощью критерия U-Манна-Уитни.

Анализ средних значений показывает, что в частной сфере не зафиксировано значимых отличий между группами, т.е. люди поддерживают тесные связи в пределах сети наиболее близких контактов, например, семьи. Такое положение, несомненно, является ресурсом и важным видом социальной поддержки для переселенцев, но при этом ограничивает возможности интеграции в социуме особенностями взаимодействия участников.

Шкалы	Группа «переселенцев» (n=22)	Группа жителей города (n=20)	Уровень значимости
Продуктивные умения			
Эмоциональный ресурс (личные связи с другими)			$p \leq 0,05$
Ресурс проведения досуга (отдых и свободное время)			$p \leq 0,05$
Социально-профессиональный ресурс			$p \leq 0,05$
Ресурс социальных	Оба значения		–

институтов	низкие		
Международный ресурс	Оба значения низкие		—

Выявлены отличия в доступности эмоционального ресурса ($p \leq 0,05$), что говорит об активном присутствии другого человека (других людей) в жизненном пространстве, с которым установлены близкие отношения на эмоциональном уровне; им свойственно ценить личность, интересоваться ее личными делами, оказывать поддержку в сложных ситуациях. У группы переселенцев отмечен более низкий уровень показателя доступности эмоционального ресурса, что может говорить об определенном блокировании эмоциональной поддержки.

Доступность ресурса досуга (отдыха и заполнения свободного времени) у группы вынужденных мигрантов в целом ниже, чем у жителей города ($p \leq 0,05$). Вероятно, это объясняется возможностями, в том числе, финансового, материального обеспечения, поскольку, чтобы заниматься каким-то хобби, содержательно и разнообразно наполнять свой досуг, нужно разделять с кем-то этот вид деятельности, иметь знакомых в этой сфере, поддерживать отношения, бывать в определенных местах и т.д.

На основе анализа средних значений выявлено, что публичная сфера социального капитала отличается в двух исследуемых группах ($p \leq 0,05$). Эта сфера связана с сетью нерегулярных контактов за пределами приватной сферы человека, благодаря чему может быть обеспечен выход на представителей других групп, которые, в свою очередь, обеспечивают больший доступ к социальным ресурсам.

Показатель ниже среднего по шкале «доступность социально-профессионального ресурса» у вынужденных мигрантов ($p \leq 0,05$) указывает на определенную ограниченность в возможностях социальной мобильности, и

соответственно, выхода за пределы стратификационной группы. Переселенцы соглашаются на такие виды работ, которые не соотносятся с их основным образованием, с той работой, которую они выполняли на прежнем месте, с их уровнем квалификации. Работа у вынужденных мигрантов часто является временной, разовой, случайной. По критерию Манна-Уитни показаны различия в социально-профессиональном ресурсе между исследуемыми группами.

Анализ средних значений по шкале «доступность ресурса социальных институтов публичной сферы» показывает уровень ниже среднего в обеих группах. Ресурс социальных институтов обозначает возможности знакомства с юристами, политиками, государственными служащими, с кем можно обсудить вопросы текущей политики в стране и регионе. Низкий уровень показывает обесценивание роли социальных институтов и государственных органов и их возможностей в реальном разрешении насущных проблем. Такая же тенденция наблюдается относительно шкалы «доступность международного ресурса».

Таким образом, доступ к ресурсам публичной сферы социального капитала является более ценным для обеспечения возможностей интеграции в принимающем сообществе, чем доступ к ресурсам приватной сферы, которая практически постоянно активна, стабильна и ограничена временными характеристиками.

Для последующего анализа полученных результатов нами использованы ранги социальных категорий, полученные по методике «Кто Я?» Куна-Макпартленда и отражающие принадлежность к «местному», «локальному» уровню (например, житель определенного села, города, региона), и принадлежность к общегосударственному, национальному уровню (украинец, гражданин Украины). Сравнение групп переселенцев и жителей г. Херсона по частоте встречаемости социальных категорий «регионального уровня» не показало значимых различий (88,1% и 85,7%) соответственно, однако это не означает, что переселенцы полностью начали отождествлять себя с жителями Херсона или южного региона Украины. Их ответы, преимущественно связаны с

называнием тех сел и городов, в которых они проживали дома до момента вынужденного перемещения. Интересными являются различия в частоте встречаемости социальных категорий «национального уровня»: у группы переселенцев 61,9%, у группы жителей Херсона – 83,3%, что, вероятно, говорит о кризисе своей гражданской идентичности у вынужденных мигрантов, об определенном недоверии к государственным структурам в их возможности оказывать помощь и поддержку переселенцам. Подтверждением этому предварительному выводу являются различия в показателях среднего ранга социальной категории «национального уровня» – у переселенцев она занимает позицию 10,2, у жителей Херсона – 15,8, что показывает меньшую значимость общенациональной идентификации для решения текущих жизненных проблем вынужденных мигрантов в Украине.

Шкалы	Группа «переселенцев» (n=22)	Группа жителей города (n=20)	Уровень значимости
Региональный уровень самокатегоризации (местный, локальный)	88,1%	85,7%	–
Национальный уровень самокатегоризации	61,9%	83,3%	$p \leq 0,05$
Средний ранг социальной категории национального уровня	10,2	15,8	$p \leq 0,05$

На основе проведенного теоретического анализа и результатов эмпирического исследования можно сделать следующие **выводы**:

Приоритетное направление работы с внутренне перемещенными лицами в условиях современной Украины связано с разработкой системного подхода, обеспечивающего интеграцию вынужденных переселенцев в новых условиях проживания, т.е. решение проблемы их социально-психологической адаптации.

Продуктивным вектором исследования адаптации и оказания эффективной психологической помощи внутренне перемещенным лицам является активизация их индивидуального социального капитала, причем, не только связывающего мигранта с членами его сообщества, но прежде всего, выходящего за его пределы и дающего возможность задействовать ресурсы социальных сетей других групп. Показаны статистически значимые отличия в уровне доступности к ресурсам социального капитала в группе переселенцев и группе коренных жителей города. Установлена зависимость между социальной идентификацией вынужденных мигрантов («региональный» или «национальный» уровень) и уровнем доступности ресурсов социального капитала.

Література

1. Блинова Е. Е. Социально-психологическая адаптация трудовых мигрантов из Украины: опыт эмпирического исследования // Социально-психологическая адаптация мигрантов в современном мире [Электронный ресурс] : материалы III Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. В. В. Константинов. – Пенза : Изд-во ПГУ, 2016. – С. 38-44.
2. Константинов В. В. Социально-психологическая адаптация вынужденных мигрантов в условиях диффузного или компактного проживания // Психологический журнал. – М. : Изд-во «Наука». – 2005. – Том 26. № 2. – С.16-21.
3. Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. – 2001. – №3. – С. 122-139.
4. Лебедева Н. М. Социальная психология этнических миграций / Н. М. Лебедева / Ин-т этнологии и антропологии РАН. – М., 1993. – 195 с.
5. Маликова Н.Р. Глобализация как фактор адаптации мигрантов // Электронный научный журнал «Пензенский психологический вестник». – 2014. – №1(2). – С.114-124.

6. Нестик Т.А. Социальный капитал организации: социально-психологический анализ // Психологический журнал. – 2009. – Т.30, №1. – С.56-63.
7. Семків І. І. Психометричні показники та адаптація методики Р. Стили "КРІКС" (українська версія: опитувальник вимірювання індивідуального соціального капіталу (адаптація І. Семків) / І. Семків // Гуманітарний вісник Державного вищого навчального закладу «Переяслав-Хмельницький державний педагогічний університет імені Григорія Сковороди». Серія : Психологія. – 2015. – Вип. 37. – С. 136-146. – Режим доступу: http://nbuv.gov.ua/UJRN/gvpdpups_2015_37_18
8. Свенцицкий А.Л. Социальный капитал и его формирование: социально-психологический поход / А.Л. Свенцицкий, Л.Г. Почебут, М.И. Килошенко, И.В. Кузнецова, Л.В. Марарица, Т.В. Казанцева // Вестник Санкт-Петербургского университета. – Сер. 12. – 2009. – Вып. 3. Ч. II. – С.140-149.
9. Смаль В. «Внутрішньо переміщені особи: соціальна та економічна інтеграція в приймаючих громадах» : за матеріалами Вінницької, Запорізької, Івано-Франківської та Полтавської областей [науковий проект] / В. Смаль, О. Позняк. – Київ, 2016. – 93 с.
10. Татарко А.Н. Взаимосвязь доверия с аккультурационными установками (на примере украинцев в России и русских в Латвии) // Культурно-историческая психология. – 2016. – Т. 12. № 1. – С. 76–84.
11. Шихирев П. Н. Природа социального капитала: социально-психологический подход // Общественные науки и современность. – 2003. – № 2. – С. 17–31.

THE MEANING OF SOCIAL CAPITAL FOR SUCCESSFUL INTEGRATION OF INTERNALLY MIGRATED PEOPLE WITHIN THE SOCIUM

Blynova E.E., Kherson State University, Ukraine

The article is devoted to the problem of social-psychological adaptation of internally migrated people within current socio-political and economical conditions of Ukrainian society. Having analyzed the phenomenon of social capital, the possibilities of access to private and public spheres are demonstrated, which ensure successful integration of migrants into the receiving society.

Key words: internally migrated people, forced migration, social-psychological adaptation, social identification, social capital.